

ВАЛЕРИЙ ЧУДАЕВ

Омовение

Валерий Чудаев

Омовение

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63936622

Омовение: Перо; Москва; 2020

ISBN 978-5-00171-786-7

Аннотация

Читая произведение Валерия Чудаева, все время ожидаешь какую-то неожиданность открытия. И даже скатываясь до бытового описательства, до жалобы на судьбу, автор ост остается позитивным, в его произведении присутствует надежда. Он по-мужски досадует, по-мужски скупно радуется, по-мужски рассуждает.

Валерий Чудаев

Омовение

© Чудаев В., 2020

* * *

– Пап, ну, пап, сколько можно таскать эти проклятые вёдра? – загнанно простонал сын.

С огромным усилием, надрывно, словно подкову разгибая скрюченную спину, он взглянул вверх на обезумевшее вконец ведро без малейших намёков хотя бы на жалкую лёгкую попытку обзавестись облачком. Где там? Даже синева неба выцвела до белёсости вокруг раскаленной жаровни Светила настолько, что только по самым краям, ближе к окоёму, слегка голубея.

Спустив глаза на землю, посмотрел на сына: тоще-щедушного как раз к 14-ти годикам его стремительно погнавшего в рост подростка, потом истекающего сейчас...

К школе надо новую одежду готовить – майская коротка неисправимо станет – отупело подумал он.

– Ладно, езжай, городской, покатайся на велике, охладись на скорости, только в Днепр не бросайся сгоряча, остынешь в момент. Но недолго, часа два, чтоб вернулся к ужину.

Покуривая на лавочке, смотрел вослед сыну, бодро пока-

тившему по дороге в соседнюю деревню, затем зашел в сырую прохладу избы поцедить (никак нельзя было напиться взахлёб, чтоб хуже не стало) холодной пока воды, недавно принесенной с колодца. Из второй комнаты привычно глянуло на него зеркало в трюмо, как и на всех, входящих в дверь с террасы сквозь первую Фпроходную горницу. Подойдя вплотную, вспомнил как однажды среди столь же изнуряющей жары, таким же подростком увидел себя с обезьянками, ниже колен руками, вытянутыми до столь неестественной длины такими же бесконечными вёдрами, заливающими водой жадную ненасытность растрескавшейся за бесконечно без дождливые дни в самом сердце июля глинистую, худородную землю.

Хорошо хоть сын городской сразу, с рождения – не предстоит ему в детстве эта пресловутая канительная борьба за личный домашний урожай, от спасения которого именно сейчас и здесь, как и в прошлые годы и века, зависит сама жизнь в бесконечно-длинные, тоскливо-заунывные зимние дни. Веками так сложилась народная мудрость – летний день зимний кормит. И губит многовековых захватчиков, казалось бы самой короткой дорогой шагающих к сердцу страны, и всегда просчитывающихся в самых разумных, казалось бы, в планах своих дальше мечты шагнувших просто из-за упёртости этой невзрачной земли и воистину лошадиного труда её защитников...

А раньше и коров держали, и овец, и волки были голодно,

раскапывая хлипкие деревенские крыши в борьбе за тяжкую долю свою.

И, само собой, по весне заводили поросеночка, пяточок которого все лето тыкался любопытно во все вокруг, счастливым добродушным похрюкиванием сопровождая каждое новое открытие своё. Не ведало дитя природы, что уже при снеге, в декабре, предстоит ему быть заколотым, опаленным соломой со сжатых полей на костре, разведённым на занесённым снегом картофельном поле, а после, разделанным и подвешенным за веревку на прочной балке в холодном хлеву от вездесущих мышей, для спасения людей кормить их собой в голодную и холодную зиму, истончаясь к весне до скелета.

Те времена миновали давно. Нынче только огород да с десятков кур из живности держали – да и ними хлопот хватало дряхлеющим старухам на вымирающей земле – вечно обречённой защитницы столицы пресловутой.

От такого иступляющего идиотизма деревенской безнадёги всеми правдами и неправдами перебиралась молодежь в города, едва в оттепель шанс появился, когда колхозникам стали паспорта давать (только в шестидесятые 20-го века, когда по-настоящему и кончилось пресловутое крепостное право, отменённое якобы аж в 1861-м).

И восемь, в общем-то тяжелых у станков часов на заводе, были в радость: пришел со смены – сам себе хозяин, не как в деревне после изнуряющей работы на совхозных полях, ве-

черами до темноты корячиться с домашним хозяйством.

От такой унылой тоски когда-то сбежала в город и его мама. Но он ещё помнил всю занудную тяжесть притупляющей работы, когда едва вернувшись из школы и пообедав наскоро, брали десятилетние школяры в руки ведра, и везли их на совхозные поля собирать картошку. А лён? Как вспомнишь – так вздрогнешь. Жутко вымывающий труд, после которого ждали неизбежные домашние задания к утренней школе! С сентября и аж до ноября молотить, вязать в снопы, искалывая – обдирая руки до цыпок, до кровавой коросты.

Счастье, что сыну не знать никогда такого... Ничего, перетерпит ради понимания того, что необходимо хорошо учиться, дабы добиться хорошей, прочной профессии.

Выйдя опять на без удержу палящее ярило, снова стал таскать эти бесконечные, счету давно не поддававшие ведра, переливать их в лейки, из которых продолжали поливать грядки его мама и тетя. Солнце, хоть и стало поглядывать на запад, словно присматривая заранее местечко поуютнее для ночлега, но пока продолжало поддавать жару словно заядло-неугомонный парильщик.

Наконец-то все овощи и кустики были вдосталь напоены и обласканы, беспощадно выдранные сорняки уже ёжились, на глазах усыхая и ботвой, и корнями в междугрядьях.

Еле распрямляя спины натруженные, скрюченные, они поужинали второпях накропанной крошкой. Мама и крёстная сразу завалились спать, из последних сил добред-

шие до кроватей.

И только тут до него дошло: а сына-то нет до сих пор!

Вечерело! По низинкам забелесилась волглость над ручейками, сбегаящимися к Днепру как домой усталыми де-тишками, набегавшимся за безумно длинный день.

Глухая тишина безлюдья да давно угомонившихся кур повисла над склоняющейся ко сну землей.

Даже привычного гавканья дворняжек-пустобрёхов не слышно было – лежали они под кустами, высунув языки, часто-часто мелко дыша.

Становилось чуток прохладнее...

Тревога за сына из лёгкого беспокойства стала нарастать всё стремительнее, всё безнадежнее. Не раз сын катался по этим местам, потому и отпустил его без опаски, не тревожась. Что же сегодня произошло?

Другого велосипеда не нашлось, но было ещё вполне светло. Он пошел по той дороге, куда укатил освобожденно сын, поглядывая по сторонам насколько доставали глаза. Нигде ни звука, в соседней деревне тоже все угомонились после иссушающего напряжения этого дня.

Куда он мог пропасть? На обратной дороге тревога сжала сердце жесточе.

Вернувшись домой, едва растолкав тетю, узнал номер телефона больницы и милиции в райцентре в 25 км от них.

В больнице сухо сказали, что никого не привозили, а в милиции, выслушав с зевающим равнодушием его сбивчи-

вый рассказ, ответили, что у них только одна машина, и та на выезде.

Всего-то второй год пошёл как развалилась огромная страна, а в людях с мрачной быстротой просыпалось равнодушие ко всем и ко всему, кроме себя и своих самых необходимо ближних. Будто и не было никогда великой многонациональной общности и дружбы народов. Чертыхнувшись, он понял, что теперь приходится надеяться только на себя.

А на что надеяться? На отчаяние собственной беспомощности?

Снова безнадёжно двинулся по той же дороге уже с фонариком – стемнело основательно – заглядывая по пути во все трубы под дорогой, для стока вешних вод предусмотренных, в паническом воображении представляя, что случайная машина в этих редких местах сбила (мало ли вильнуло колесо у велика, да и пьяных за рулем не в редкость здесь, давно человека в форме милицейской не выдавших), а потом сунули в трубу, и никто ничего и не увидит, никаких свидетелей не найдёшь в этой глухомани...

Дойдя до деревни, постучался к дальнему родственнику, деду за 90 лет: не заходил ли сын? Нет, не видел: глухо-полу разборчиво пробормотал ему в ответ.

Дедушка в его годы уже мало что соображал: был в той степени перехода в мир иной, что происходящее вокруг него на земле мало занимало внимание внешнее, больше озабоченное перебиранием ярких моментов своей жизни.

В полном отчаянии, он вернулся к себе на веранду.

Слушая залиvistые рулады безмятежно храпящих мамы и тети, он возненавидел их за тупое бессердечие. А, впрочем, что им – не привыкать. На этой суровой земле и самим им, и многим, и многим поколениям до них столько пришлось навидаться горя от сюда-туда шляющихся оккупантов по прямой дороге к столице, что давно генетически притупилось чувство утрат, потерь близких, ранних смертей маленьких детей и внуков.

Не стал он их будоражить далее. Навинчиваясь всё больше воображаемыми ужасами, вплоть до волков, хотя и знал, что давно их здесь перевели. А гадюки? Этих тварей ещё хватало. И ещё невесть чем травилась его душа.

Неумело опустился на колени, пытался молиться, не ведая положенных в таких случаях слов, в сторону далекой невидимой церкви, куда в раннем его детстве уходила ещё затемно к утренней службе набожная, истово верующая бабушка...

Сон не мог никак сморить его даже после столь напряженного дня. Снова звонил в больницу: нет, никого не привозили, опять в милицию, нет машина еще не вернулась...

Выскакивал на улицу, захлеб курил одну за другой, кроша пальцами сигареты, не зная больше, куда кинуться, что делать.

Пытался прилечь – сон убежал за тридевять земель...

Только память услужливо подсовывала ему милые эпизо-

ды из прошлых их приездов.

Совсем ещё маленьким был сыночек, дошкольником, когда на перекладных (какие-то триста км от столицы на машине теперь) тогда приходилось преодолевать в три этапа: с Рижского вокзала до Ржева, там три часа в занюханном, с неизменным поди со времён гражданской войны баком с водой кипячёной, в зале ожидания на неудобных деревянных скамьях, отполированных за десятилетия тысячами тел проезжих до блеска рояльного, ещё в дорассветной темноте на рокадный поезд вскарабкиваясь по решетчатым ступенькам с галечной насыпи, два часа на нём, почти пустым в такую рань с редкими угрюмыми рыболовами, и на заштатной станции еще три часа ожидания автобуса, чтоб преодолеть последние 25 км, а от автобуса уже пустык – километр пёхом, но маленькому, измученному полу бессонной ночью сынишке он давался на последнем изнеможении, после чего он мгновенно засыпал...

А пойманный ими в дряхлеющем запущенном саду дедовской, ещё крепкой кепкой, дикий ёжик – заблуда, напоенный от души молоком и посаженный в коробку картонную, и сбежавший, пока сыночек днем спал, и слезы его горькие от ужаса из самых первых потерь в его маленькой, едва начинающейся жизни.

А как любил ловить карасиков на утренней зорьке. Любопытный с сызмальства, хватался за всё новое, неизведанное.

Как ни сладок утренний сон ребёнка, умолял уже засыпая: Папа, разбуди.

Жалея, поднимал его спозаранок, шли на озеро ради его захлебывающихся восторгов, снимающего с крючка мелких карасиков, которых отдавали благодарной кошке.

А как под вечер отправлял его за свежесдобитым хлебом в пекарню совсем рядом.

И за какие-то триста метров обратной дороги он успевал обгрызть молодыми весёлыми зубами горбушку ещё тёплой буханки.

А... А...А...

О чём только не вспомнил он в эту самую страшную ночь всей своей жизни! Хотя и коротки июльские ночи, да только не эта...

Вставал, снова опускался на колени, горячо истово молился своими неопытными словами...

Наконец-то стало светлеть за окном – как никогда медленно пошевеливался рассвет.

Когда уже не нужен был фонарик, он в третий раз двинулся обреченно, всех надежд лишённый, по той же дороге, медленно убивающей его всю эту жуткую ночь.

Дорога огибала невысокий холм, где ещё не разгладились полностью брустверы окопов той самой жесточайшей войны. Самая сладкая земляника во всей округе именно тут рождалась, будто напоенная солдатской кровью даже многими годами спустя.

И ВОТ ОНО СЧАСТЬЕ: оторвав глаза от обшаривания земли вокруг, чуть приподняв голову, увидел, как из-за этого холмика вывернувшей дороги, вихляя колесом, медленно катится его сыночек-комочек, зарёванный, чумазый донельзя, с коричневыми бережками грязи по сторонам белых ручейков слёз...

Бросился навстречу из сил последних, подхватывая велик за руль, обнимая за хрупкие цыплячьи плечики, облизывая – зацеловывая родное личико... И счастье сыночка, обретшего отца было безмерным, снова пустившимся в рёв.

Так, за руль держа велосипед, и довел сына на сиденье до дому.

Второпях сварганил яичницу, вскипятил воду, разведя её до нужной теплоты, трепетно смывая с тщедушного тельца подростка ночную коросту пыльного сена.

Оказалось, свернул с дороги в сторону с присущей ему с сызмальства тягой к новому, неизведанному и заблудился.

Встретилось ему стадо коров, пошёл за ними, догадался зарыться в тёплый стог, где и ночевал, до рассвета вздрагивая от самого тихого шороха.

А утром, чуть успокоившись, сообразил по солнцу как выбраться на дорогу. Снова слезами захлебываясь, но теперь уже от счастья оказаться рядом с отцом, торопливо глотая горячую еду, рассказывал бессвязно, обрывками, все ночные страхи.

А он, продолжал мыть сыночку мыльной губкой озябшие

грязные ноги, отмыл лицо и шею, сам бормоча нежности несусветные. Уже чистого, он уложил сына в постель, и тот заснул моментально, не успевши голову до подушки донести (впрочем ладонь отца и здесь подстраховала), с прерывистой благодарностью всхлипывая...

Долго не мог он оторвать глаза от благоприобретенного вновь сына, и казалось, что эта радость была выше той, когда привезли его с мамой из роддома...

А потом снова опустился на колени, с наивно-неумелой, но искренней силой благодарил Всевышнего за чудесное спасение.

Так, ещё недавний коммунист, вполз коленками души на самую первую ступеньку бесконечно высокой лестницы, ведущей к Богу.